
ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+304.44

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/105-124

© Пак Чжун Гон

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕТОД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ФИЛЬМЫ О НЕНЦАХ

В статье анализируется развитие межкультурной коммуникации и контактов ненцев и корейцев из Южной Кореи, оценивается возможность и корректность отражения процессов культурного обмена с помощью методов визуальной антропологии. Представленный материал основан на личном опыте участия автора в этнографических исследованиях и документальных съемках в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, Республике Коми и на Полярном Урале в 2009–2019 гг. Между южнокорейскими кинодокументалистами и оленеводами Севера России установились различные социальные связи. Форма и содержание межкультурной коммуникации в местах, где нет интернета, рассматриваются через концепцию «культурного почтальона», в качестве которого могут выступать и отдельный ученый, и съемочная группа, и даже средства массовой информации. Показан отклик южнокорейской зрительской аудитории на фильм «Последняя тундра» телеканала SBS (2010 г.). Снятые в последние годы южнокорейские фильмы о ненцах рассказывают о быте, системе образования и кулинарных традициях оленеводов. СМИ Республики Южная Корея являются мощным каналом, способствующим развитию взаимодействия между двумя народами, расширению межэтнических и культурных контактов, популяризации этнологических и антропологических знаний, что особенно важно для молодого поколения, тяготеющего именно к визуальному восприятию информации.

Ключевые слова: визуальная антропология, этнографический фильм, ненцы, коми, корейцы, культурный почтальон, межкультурная коммуникация

Ссылка при цитировании: Пак Чжун Гон Визуальная антропология как метод межкультурной коммуникации: южнокорейские этнографические фильмы о ненцах // Вестник антропологии, 2021. № 3. С. 105–124.

В настоящее время в антропологических и этнологических исследованиях стремительно набирает обороты использование в полевых условиях аудио- и видеотехники; все чаще для записи данных в экспедиционной работе используются способы,

не применявшиеся учеными ранее, в т.ч. фиксация на цифровые носители. Развитие цифровых технологий и простота использования оборудования для обработки изображений привели к всплеску в развитии визуальной антропологии и появлению этнографического кино. Ранние ленты М. Мид не только сыграли большую роль в продвижении этнографической фильмографии, но и стали отличным подспорьем для написания специальных работ. Однако с течением времени этнографический фильм как инструмент, который раньше находился на вспомогательных ролях, занял важное место в антропологических исследованиях.

К примеру, фильм Р. Флаэрти «Нанук с Севера» (*Nanook of the North*, 1922), в котором рассказывается о жизни инуитов (Флаэрти 2007), и сегодня оценивается специалистами очень высоко, даже несмотря на то что до сих пор вызывает споры, связанные с проблемой воспроизведения реальности. В научном смысле работа Р. Флаэрти позволила осознать важность этнографического кино и стала поворотным моментом в антропологических изысканиях. До Р. Флаэрти никто из кинематографистов не жил так долго среди участников съемок, не становился «одним из них» и не вовлекал их в совместное творчество по созданию фильма (Александров 2014: 131).

В России кинодокументалисты-этнографы, сумевшие добиться значительных достижений, появились немного позже (Головнев 2019). В первую очередь следует назвать режиссера А.А. Литвинова и исследователя и писателя В.К. Арсеньева, благодаря сотрудничеству которых была создана внушительная коллекция фильмов о российском Дальнем Востоке. В 1928 г. увидела свет их первая картина «Лесные люди», показавшая реальную жизнь удэгейцев «как она есть» (Головнев 2017: 53). Картина была снята А.А. Литвиновым, в основу сценария лег литературный шедевр В.К. Арсеньева «Лесные люди удэгейцы». В 1975 г. еще одна книга русского путешественника, географа, этнографа и писателя «Дерсу Узала» (1923) была экранизирована японским режиссером Акирой Куросавой; одноименный фильм получил всемирную известность.

Первым российским этнографом – исследователем Севера, взявшим на вооружение возможности кино, стал Г.Н. Прокофьев. Именно он впервые явил важный и значимый пример того, что советский ученый может выступить в роли «культурного почтальона» в ситуации межкультурного контакта. И именно благодаря ему к 1930 г. ненцы, как отметил в своей статье Д.В. Арзютов, уже несколько раз попадали в кинообъектив (Арзютов 2016: 207). В те времена «“этнографическая фильма” должна была отражать народ как субъект истории, описывая его через советскую марксистскую парадигму» (Там же: 205). «Г.Н. Прокофьев не только прекрасно знал “текущий момент”, но и старался следовать идее, что “хозяйство – стержень этнографической фильма”». <...> В этих призывах отразился любопытный взгляд на этнографа “в поле”: как на “миссионера нового (или советского) образа жизни” и отстраненного статиста» (Там же: 205).

Возвращаясь к истории западного этнографического кино, стоит упомянуть и снятый в 1930-е годы М. Мид и ее мужем Г. Бейтсоном процесс исследования на Бали. В 1952 г. на основе этих видеоматериалов была создана картина “Транс и танец на Бали”. Хотя считать ее полностью этнографической нельзя, она, согласно многим оценкам, открыла новые возможности для полевых исследований и показала важность этнографического фильма (Ча 2014: 47). Как отметил Б. Николс, периодом зарождения документального кино следует считать 1930-е годы, когда снятый

материал еще носил разъясняющий характер (*expository style*). В 1960-е годы с появлением нового оборудования, вес которого позволял использовать его в условиях повышенной мобильности, изменился и стиль съемок – он стал наблюдательным (*observational style*). В ходе дальнейшей трансформации документальное кино прошло через рефлексивную стадию, а начиная с 1980-х годов его стиль может быть охарактеризован как перформативный, основанный на использовании интерактивных форм и в первую очередь интервью (*Nichols 1995: 94*). Таким образом, этнографические съемки – это фантастический по своим возможностям, обладающий огромным потенциалом, в т.ч. и в сфере межкультурных коммуникаций, ресурс, который сегодня используется недостаточно (*Пинк 2007: 69*).

С развитием технологий, средств массовой информации, кино и интернета современный мир быстро движется к всеобщей глобализации, а межкультурная коммуникация все чаще играет ведущую роль в понимании сущности культур разных народов. Если в конце XX в. в качестве средств связи с Другими и каналов получения информации могли использоваться кино и телевидение, то в XXI в. их заменили высокоскоростной интернет и социальные сети, дающие возможность коммуницировать со всем миром легко и быстро. Действительно, многие вещи, которые невозможно было представить еще 100 лет назад, в наши дни стали реальностью.

Интерес южнокорейских кинодокументалистов к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока России

Республика Корея (36°31' с.ш. 127°48' в.д.) располагается гораздо южнее п-ва Ямал (68–73° с.ш. 66–73° в.д.), она окружена морем с трех сторон. Климат страны преимущественно умеренный муссонный, на южном побережье и о-ве Чеджудо – субтропический муссонный. Температура зимой в Корее обычно около 10° ниже нуля, но повышенная влажность усиливает ощущение холода. Рельеф в основном гористый с высотами около 1000 м, а равнины занимают всего около 30% площади страны. Ненцам Ямальского п-ва (за исключением Полярного Урала), в отличие от корейцев, живущих в окружении гор, привычны бесконечные тундровые равнины.

Более 40% населения Республики Корея (в 2018 г. население страны составляло 51 732 586 человек) проживает в городах: в Сеуле (9 765 623 человек), Пусане (3 441 453), Инчоне (2 954 642) и Тэгу (2 461 769 человек)¹, тогда как ненцы – за исключением работающих в сфере административного управления, в учреждениях образования, в судебной системе, на государственных и частных предприятиях, размещенных в крупных городах, таких как Салехард – в основном занимаются оленеводством. В отличие от многонациональной России, Корея – моноэтническое государство, поэтому среда, в которой в одном пространстве тесно взаимодействуют различные этнические группы, корейцам практически неизвестна.

В знакомстве корейцев с народами, населяющими Север, Сибирь и Дальний Восток России, большую роль сыграло телевидение. В южнокорейской киноиндустрии жанр документального кино до недавнего времени не пользовался большой популярностью, он не был выгоден с коммерческой точки зрения и не имел обще-

¹ Перепись городского населения. Статистика Министерства государственного управления и внутренних дел. Декабрь 2018 г.

ственной поддержки, даже несмотря на то, что в прежние годы было снято немало замечательных произведений в этом жанре. Напротив, созданные телевизионными компаниями документальные программы за счет охвата большой зрительской аудитории и высоких рейтингов способствовали зарождению интереса к культуре других народов. Так, фильм о береговых чукчах, показанный телеканалом KBS (*Korean Broadcasting System*) в 2007 г., впервые рассказал корейцам об этом народе, живущем в суровых условиях Севера. А несколько лет спустя вышел фильм канала SBS (*Seoul Broadcasting System*) о ненцах-кочевниках северной части Западной Сибири – территории, которая в СССР была «закрыта» для иностранцев.

Холодная война с ее противостоянием Востока и Запада, продлившаяся до конца XX в., была основным сдерживающим фактором получения информации о Сибири. В советские времена корейская пресса должна была получать разрешение на репортажи о Советском Союзе, материалы подвергались цензуре даже тогда, когда речь шла о городах, культуре или художественной литературе. В подобной ситуации было весьма сложно рассказывать о народах Севера. Поскольку любая информация о них не могла быть получена напрямую, неизбежен был поиск косвенных источников – это могли быть зарубежные СМИ или научные материалы из соседней Японии, Европы и США. А т.к. специалистов, владеющих русским языком, в Корее было мало, это накладывало дополнительные ограничения на получение информации, в т.ч. и о народах советского Севера. Стоит заметить, что в 1960-х годах большинство корейских телеканалов и кинокомпаний зависели от американской поддержки и культурной политики США в Южной Корее. В это время кинопроизведения должны были пробуждать гордость корейцев своим национальным государством и национальной культурой своей родины (Пак 2017: 289).

Все эти ограничения привели к тому, что до 1990-х годов южнокорейские документальные фильмы о Советском Союзе выходили редко и рассказывали преимущественно о живущих там корейцах – с корейской диаспорой всегда поддерживались довольно тесные связи. На момент распада СССР в Корее было накоплено настолько мало информации о Сибири, что даже о том, где (в каких регионах) живут конкретные этнические группы, точно не было известно¹. Вплоть до начала 2000-х годов корейские документалисты могли получить возможность снять материал о северных народах России только при посредничестве зарубежных неправительственных организаций и службы документальных фильмов английской BBC. В такой ситуации телеканал SBS (впервые в истории Кореи) решил провести в России съемки документального фильма о жизни кочевников-оленьеводов, в первую очередь ненцев и хантов.

Отметим, что в конце XX в. разными телекомпаниями в Корее было снято несколько небольших лент о народах Севера России. По своей масштабности фильм «Последняя тундра» (*The Last Tundra*) телеканала SBS, вышедший в 2010 г. (съемки в ХМАО, НАО и ЯНАО велись в 2009–2010 гг.), является поистине уникальным. С декабря 2009 г. по ноябрь 2010 г. автор данной статьи участвовал в его создании, выступая в роли линейного продюсера и переводчика. До момента приезда съемочной группы лишь отдельные жители Южной Кореи сталкивались с ненцами, кочевавшими в тундре. Речь идет

¹ По статистике Комитета по развитию кинофильмов Республики Корея, в 1960–1970-е годы в стране было выпущено всего около 300 фильмов, из которых лишь несколько были посвящены России (напр., сталинским репрессиям, советским корейцам и т.д.). Но съемки в России не велись, были использованы архивные материалы (см.: Ежегодник 1977).

о миссионерах и журналистах, приезжавших к ненцам на несколько дней и не имевших возможности наблюдать за их жизнью в течение длительного периода. Поэтому задача рассказать о ненецкой культуре широкой южнокорейской общественности воспринималась съемочной группой как великая миссия, выполнение которой оказалось сопряжено с тяжелой работой. Мы столкнулись с многочисленными трудностями в первую очередь из-за недостатка предварительных знаний.

После выхода в эфир «Последней тундры» интерес южных корейцев к ненцам, хантам и коми резко вырос. На этой волне другие телеканалы также предприняли попытки создать свои программы о Севере России и показать в своих произведениях сюжеты о жизни местных народов, об их культурных особенностях (и даже о туризме). Подобные сюжеты в Корее и по сей день являются важным источником информации о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Таблица 1

Корейские документальные фильмы о КМНСС и ДВ России в XXI в.

Год	Телеканал и название	Народ	Место Съёмки	Год	Телеканал и название	Народ	Место съёмки
2007	KBS «Special»	Чукчи	Чукотка	2017	EBS «Docu-prime»	Нивхи Нанайцы	Хабаровский край
2010	SBS «Special»	Ненцы Ханты Тувинцы	ЯНАО	2017	EBS «Docu-prime»	Эвенки	Республика Саха
2010	EBS Docu-prime»	Эвены Эвенки	Республика Саха	2017	EBS «Docu-prime»	Ненцы	НАО
2011	EBS «World educational place»	Ненцы	Республика Коми	2019	EBS «World theme travel»	Ненцы	ЯНАО
2014	KBS «Food odyssey»	Коми	Республика Коми	2019	MBC «Медведь»	Ненцы Ханты	НАО

Так, телепередача «Мировое образование» (*World Educational Place*) канала EBS, созданная в 2011 г., рассказала о системе образования и процессе обучения ненецких детей в тундре; программа вызвала у корейских зрителей сильные эмоции и стала для них открытием. Съёмочная группа из трех человек работала в Ямальском р-не ЯНАО в стойбищах ненцев-оленьеводов. Сюжет рассказывал о детях, которые изучают школьные дисциплины и получают знания, находясь либо в школе-интернате, либо на домашнем обучении (в т.ч. в чумах). В Корее другая образовательная политика, в стране при получении начального образования вообще не предусмотрены школы-интернаты, а на средней и старшей ступенях – их лишь несколько; подавляющее большинство учеников посещают школы, постоянно проживая дома. Образовательная система, принятая у кочевников Севера России, ее радикальное отличие от привычной корейской стали сенсацией, и даже в обыденном общении корейских зрителей часто упоминается сюжет об обучающихся в тундре детях.

В 2014 г. в рамках программы «Кулинарная одиссея» был показан сюжет о культуре питания этнических коми, таежных и тундровых кочевников. Съемки велись в т.ч. и в г. Воркуте. Акцент был сделан на разнице национальных кухонь: кухня коми из тайги и тундры сравнивалась с кухнями других народов. На примере своих главных героев – семей Павла Ледкова и его брата, родившихся и живущих на Крайнем Севере в Республике Коми – режиссер стремился показать трансформацию культуры питания человечества от «дикой» кухни к современной. Эта программа рассказала корейским зрителям, которые знали только о кочевниках с азиатской внешностью – самоедах и тунгусах, о существовании в более западных районах России других, занимающихся оленеводством кочевых народов. Было показано, что, хотя у кочевников сохраняются шаманизм и тотемизм, они исповедуют и православие.

С 2011 по 2019 г. телепередача «Тематическое путешествие по миру» (*World Theme Travel*) канала EBS, в которой автор этой статьи принимал участие в качестве ведущего, представила культуру и традиции коренных малочисленных народов Северного Кавказа, Алтая и Севера России. В частности, в 2015, 2017 и 2019 гг. в Республике Коми, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах были сняты сюжеты о жизни коми и ненецких кочевников-олeneводоов, а в 2017 г. на канале EBS были представлены документальные фильмы об этническом сходстве нанайцев, орочей и удэгейцев, живущих на р. Амур на Дальнем Востоке. В эти же годы кинодокументалисты занимались историей бурят на Байкале и изучали корни их шаманизма. Но поскольку обширность территории России и сложные погодные условия затрудняют передвижение и создают дополнительные трудности для съемок, на какое-то время количество передач о народах Севера сократилось, хотя устойчивый интерес и кинематографистов, и широкой корейской аудитории к этой теме не угасает. Этот интерес постепенно распространился даже на сферу промышленной энергетики: например, телепередача канала KBS «Холодный прорыв» (*Cold Rush*), транслировавшаяся в 2018 г., затронула тему Северного морского пути и раскрыла познавательную информацию о газовых хранилищах и ледоколах на п-ве Ямал.

Съемочная группа как субъект межкультурной коммуникации: фильм «Последняя тундра»

М.О. Гузикова и П.Ю. Фофанова дали следующее определение межкультурной коммуникации: это «взаимодействие носителей разных культур», «процесс обмена информацией» (Гузикова, Фофанова 2015: 6, 8). Как отмечалось выше, корейские телекомпании внесли большой вклад в развитие межкультурной коммуникации с коренными народами России. Все последние 10 лет документальные фильмы о людях и природе постоянно оставались в приоритете для трех вещательных компаний Южной Кореи. Приведу в качестве примера только одно мнение – корейского исследователя Юн Сонхи, отметившего, что в 2010 г. этнографические фильмы были особенно востребованы (Юн 2012: 243).

Члены съемочной группы фильма «Последняя тундра» стали первыми корейцами из Южной Кореи, установившими контакт с ненцами-олeneводами. Хотя кинематографисты в меру своих возможностей заранее изучили предполагаемый район съемок, это не избавило их от волнения и даже страха при первой встрече с будущими героями своего фильма. До показа «Последней тундры» южнокорейские зрители ничего не слышали о ненцах. Проблема состояла в том, что члены съемочной группы и

сами знали о них немного, а в ситуации недостатка материалов на корейском языке не могли самостоятельно восполнить этот пробел. Иногда реальность соответствовала ожиданиям, но порой выяснялось, что люди ведут образ жизни, совершенно отличный от описанного в литературе.

Многие ненцы в период съемок картины также впервые контактировали с представителями Южной Кореи. Конечно, отдельные оленеводы встречались с корейскими миссионерами раньше, тем не менее именно взаимодействие с журналистами и кинодокументалистами сыграло решающую роль в инициации культурного обмена, т.к. корейская съемочная группа практически постоянно, на протяжении всех четырех сезонов жила в чуме вместе с ненцами. Такое тесное взаимодействие способствовало знакомству оленеводов с элементами корейской культуры: с традиционной и современной национальной кухней, бытом, традиционной одеждой, народными песнями и современной корейской музыкой К-поп (*K-pop*). И наоборот, репродуктивная культура тундры стала большим открытием для членов съемочной группы и оставила глубокий след в их сознании.

Благодаря применению новой технологии съемок фильм «Последняя тундра» стал произведением качественно нового уровня. Цифровая зеркальная фотокамера, которая впервые была использована группой, безотказно отработала в тяжелых климатических и топографических условиях тундры. Кроме того, современное оборудование позволило снимать в любых ситуациях, создатели фильма практически избежали постановочных, игровых кадров и повторных дублей, что не только упростило съемочный процесс, но и освободило героев картины от актерской нагрузки.

В фильме «Последняя тундра» с этнографической точки зрения показана повседневная кочевая жизнь ненцев и хантов, обсуждаются важные для этих народов вопросы, в т.ч. конфликт интересов различных групп оленеводов и претендующих на территории их кочевания ресурсодобывающих компаний. Сопровождая бригаду, пасущую в тундре своих северных оленей, съемочная группа запечатлела многие обычаи повседневной жизни народа: охоту и рыбалку, ритуалы бракосочетания и поклонения богам-предкам (напр., обряды на *мяд 'пухуца*) и др. Фильм представляет национальную кухню ненцев, их традиционную одежду и то, насколько часто она используется в повседневной жизни. Хорошо известно, что основная функция одежды – защита от неблагоприятных факторов окружающей среды. Кроме того, предметы одежды, как и прежде, используются в бартерных обменах, а также в качестве даров, закрепляющих статусы дарителя и одариваемого. Ненцы используют в этих целях различные виды мехового пальто – «малицы».

После показа фильма в Корее люди начали проявлять большой интерес к жизни ненцев: на какое-то время стал популярен чум тундровых кочевников (многие корейские компании начали проектировать и продавать палатки, выглядевшие как классическое жилище народов Севера); традиционная ненецкая обувь на непродолжительное время стала модной в Сеуле – столице Южной Кореи; специальные ненецкие костюмы для различных церемоний и мероприятий, таких как свадьбы или фестивали, также оказались интересны корейцам. Такое заимствование (и технологических элементов уклада кочевников, напр., палатки в виде чума, и традиционных одежды и обуви) – важный маркер, свидетельствующий о реальной межкультурной коммуникации.

Подобно этнографическому фильму Г. Бейтсона и М. Мид «Первые годы Карба» (1952), проследившему взросление балийского мальчика, «Последняя тундра» расска-

зывает о двух подростках – Николае и Григории, об их повседневных занятиях, о посещении школы в тундре об их возмужании. Дети ямальских кочевников до поступления в школу живут в тундре, в замкнутом сообществе, не зная иной жизни. В 7 лет с первым школьным звонком они попадают в иной мир, в котором им приходится задумываться о будущем, о планировании своей карьеры, они сталкиваются с трудностями и участвуют в различных конфликтах. В фильме есть и другие дети, часть из них постоянно находится в городе, – они тоже хотят понять, как им строить свою жизнь.

Таким образом, прежде чем занять свое место в категории «документальное кино», «Последняя тундра» сыграла роль отличного этнографического фильма. Это можно рассматривать как естественную тенденцию стремления традиционной кинодокументалистики к этнографическому фиксации реальности. Как отметила Е.С. Данилко, в последнее время манера документального фильма приближается к фильму этнографическому:

...идет движение навстречу друг другу, документалисты все чаще обращаются к антропологическим методам, а антропологи осваивают киноязык. Поэтому режиссеры-антропологи и профессиональные документалисты все чаще представляют свои фильмы на одних и тех же фестивалях и для одной и той же аудитории (*Данилко 2020*).

Корейская аудитория значительно расширила свои знания о культуре народов Севера России именно благодаря южнокорейским документальным фильмам, поскольку объем информации, предлагаемый ими, неизмеримо больше, чем тот, который можно почерпнуть из книг и работ исследователей. Тем не менее во взаимоотношениях документального и этнографического кино немало проблем.

С одной стороны,

[н]ацеленность визуальной антропологии, прежде всего, на диалог культур, а не на массовую медиаиндустрию или популяризацию науки, вовсе не предполагает отсутствия образности экранного повествования и отказа от использования специфического киноязыка, отличного от языка научных текстов, и других способов художественного отображения реальности (*Данилко 2016: 206*).

Использование методов/приемов и документальных, и этнографических съемок дает режиссерам и съемочной группе определенную свободу для творческого самовыражения. Как отметил Джо Кван Ён, то же самое касается видеороликов о других культурах, сделанных в Корее. Видео с совершенно другими ракурсами или содержанием не имеет обычно цели укрепить или изменить наше мнение. Зачастую съемочные группы совершают ошибку, пытаясь подогнать жизнь коренных народов под свои собственные представления (*Джо 2016: 9*).

С другой стороны, этнографические фильмы отличаются от игрового кино, у них есть своя специфика. И, хотя они должны быть объективными, они могут содержать искажения или ошибки (связанные с замыслом режиссера). В фильме, который снимается в течение длительного времени, как, например, в «Последней тундре», ошибок сравнительно мало, прежде всего благодаря тому, что рабочая группа проводит весь съемочный период бок о бок со своими героями. Однако в документальной программе, предполагающей лишь несколько съемочных дней, жизнь кочевников иногда искажена и представлена изолированной от цивилизации.

Для авторов этнографического фильма весьма важно, как он будет воспринят людьми, чьи лица запечатлены в кадре. В большинстве случаев после трансляции в Корее мы отправляем картины местным жителям – непосредственным участникам съемок. При просмотре фильма, героями которого они стали, люди часто стесняются, когда их видят члены семьи или знакомые, но неизменно гордятся тем, что была представлена их культура. Иногда, когда сюжет затрагивает запретные для ненцев темы – то, что традиционно составляло табу, – людям некомфортно, они не хотят заострять на этом внимание, но это не приводит к трагедии или даже катастрофе, как могло бы быть в недавнем прошлом, и воспринимается относительно спокойно. Кроме того, героям картин нравится делиться со знакомыми воспоминаниями о том, как и на какие темы они общались с корейцами в ходе съемочного процесса. Благодаря этому их собеседники также получают информацию о Корее и корейской культуре – вступают в косвенные культурные контакты.

Наличие весомой этнографической составляющей – важная особенность южно-корейских документальных фильмов. Через показ различных аспектов жизни других народов происходит вовлечение зрителей в культурное общение. Хотя среди визуальных антропологов существует правило: «если возникает конфликт между этнографическими и кинематографическими потребностями, приоритет должен быть отдан этнографии», неизменно встает вопрос о месте «этнографического» в документальном кино, о том, что четко определяет принадлежность к этнографии как к науке (Heider 2006: 2–3). Существует и мнение, что этнографический фильм предназначается только для людей, получивших антропологическое образование, поскольку он использует четкую антропологическую терминологию, основанную на теории культуры и уточняющую методологию исследования (Ruby 1975: 104–109), а значит, не во всех случаях документальный фильм можно назвать этнографическим. Существует и широкий взгляд на документальный фильм как на фильм, пытающийся передать этнографические знания с помощью визуального метода. Сюда можно отнести и ленты, снятые в формате документального кино, ленты, соответствующие академическим целям антропологов (Лу 2014: 14–15; см. также: Чо 2018).

Хотя концепция этнографического фильма еще четко не определена, можно констатировать, что корейские документальные фильмы выполняют роль посредника в культурном обмене между народами. Конечно, история развития корейского документального и этнографического кино пока еще очень непродолжительна, но то, что в будущем они будут играть важную роль в межкультурной коммуникации, не вызывает сомнений, поскольку интерес к культуре других народов, в т.ч. и народов Севера России, в Южной Корее постоянно растет.

СМИ и «культурный почтальон»: межкультурная коммуникация в этнологии и визуальной антропологии

В последнее время фото, видео- и аудиозаписи признаны форматом, который может использоваться для фиксации процесса и результатов полевых работ. Применение современной техники позволяет быстрее накапливать и гарантированно сохранять значительные объемы качественной «визуальной» информации, что не в последнюю очередь приводит к повышению эффективности экспедиционных работ и позволяет в «поле» проводить более продолжительные съемки. Развитие визуаль-

ной антропологии способствовало появлению концепции «культурного почтальона» (*cultural mailman*) – по сути, новой формы межкультурной коммуникации.

Человек (группа лиц/организация и т.д.), выступающий «культурным почтальоном», играет важную роль в установлении межэтнических контактов. Например, ненцы-кочевники, с которыми работала наша съемочная группа, даже не имея прямых контактов с Южной Кореей, не только получили большой объем информации о ней от кинематографистов, но и прикоснулись через них к другим культурам. Отдельные элементы чужой культуры могут быть как заимствованы, так и отторгнуты, но опыт межкультурной коммуникации впоследствии может быть востребован в самых разных сферах, он становится важным импульсом к познанию других народов.

Прежде чем обсуждать роль средств массовой информации в установлении межэтнических контактов, автор хотел бы сначала уточнить само понятие «культурный почтальон» (*Cultural mailman*). Концепция, которая была разработана автором статьи в 2011 г., когда снималось видео о жизни марийцев в Пермском крае на юге Урала. Вокруг с. Суксун расположены небольшие деревни. Деревня Красный Луг находится примерно в часе езды от Суксуна, большинство ее жителей марийцы. Русские и татары живут в деревнях по соседству. Ежегодно в феврале все они собираются вместе для проведения народных праздников, танцевальных и певческих фестивалей и конкурсов. В 2011 г. в этих деревнях не было сотовой связи, электронных СМИ, интернета и социальных сетей. Так, автору, чтобы поговорить по мобильному телефону, приходилось отъезжать достаточно далеко от Красного Луга в сторону Суксуна. На въезде в деревню – большой холм, а по единственной дороге зимой после снегопадов нередко ни на чем нельзя проехать. Люди зачастую оказываются в изоляции до тех пор, пока дорогу не расчистят от снега.

Поэтому, когда появляются посторонние, жители Красного Луга просят у них газеты, журналы, а взамен предлагают или дарят местные деликатесы. Людей интересуют последние новости: они хотят знать, как поживают их ближайшие друзья и знакомые, не случилось ли чего-то, требующего соболезнований или, наоборот, поздравлений, а также что вообще произошло в стране. Возможно, читатель мог слышать о подобном укладе жизни от приехавших из мест, подобных Красному Лугу. Автор, как и все, получал газеты и журналы с почтой, которую привозили раз в неделю. Но если по каким-то причинам почта задерживалась, местным жителям не оставалось ничего другого, как перечитывать старые выпуски газет.

Таким образом, почтальоны и почтовые отделения в отдаленных местностях, в отличие от столичных и городских регионов, имеют важное значение для поддержания межкультурной коммуникации. Помещение почты в глубинке – это не просто пункт выдачи пенсий, приема и отправки писем и посылок, это также место, куда доставляется и где приобретается все жизненно необходимое: помимо газет, журналов и книг здесь продают канцелярские товары, продукты питания, одежду и пр. Кроме того, местные жители через личное общение на почте узнают последние новости. Связь с «большой землей» осуществляется с помощью почтальонов, которые регулярно курсируют между населенными пунктами и наряду с доставкой материальных ценностей снабжают людей информацией в том или ином виде.

Другими словами, большая часть «функционала» интернета и средств массовой информации выполняется с помощью системы почтовых курьеров. Концепция «культурный почтальон» в контексте визуальной антропологии служит проводником межкультурных коммуникаций.

Еще одним каналом получения информации, кроме почтовой службы, могут быть приезжие. Но контакты с жителями других отдаленных регионов или крупных городов России непостоянны, а с иностранцами – вообще крайне редки. Автор данной статьи встречался с местными жителями лицом к лицу, передавал им поздравления и последние новости из Кореи, а также давал самую обычную информацию о своей стране. И наоборот, интервьюируемые смогли познакомить его с традиционными кухней и одеждой, марийскими приветствиями и – особенно – с народными песнями. В данном случае автор и контактирующие с ним местные жители выступили в качестве «культурных почтальонов», налаживающих контакты и взаимный культурный обмен в ограниченном пространстве. В зависимости от ситуации «культурным почтальоном» может стать не только представитель другой этнической группы (и даже не обязательно человек), во многих случаях эту роль выполняют СМИ, например радиовещание. Даже простая ярмарка, проводимая в регионе один раз в неделю, становится отличным «культурным почтальоном».

Однако предлагаемая концепция может быть реализована не во всех отдаленных районах. Для того чтобы она заработала, должны возникнуть определенные предпосылки, другими словами, территория должна отвечать следующим условиям:

- здесь должны проживать в непосредственной близости разные этнические группы (причем, если этих групп больше трех, эффект культурного обмена усиливается);
- в районе должны регулярно проводиться праздники или фестивали, сопровождающиеся, как правило, ярмарками (регулярными и нерегулярными);
- такие достижения современной цивилизации, как мобильная связь, интернет, социальные сети, транспортное сообщение и т.д., должны быть малодоступны;
- иностранные СМИ должны быть недоступны (или доступ к ним люди получают очень редко);
- традиционный канал межкультурной коммуникации – доставка почты – должен работать регулярно, но промежутки между приездами почтальона оставаться достаточно продолжительными.

Многие места в Сибири отвечают всем приведенным выше условиям, и большое влияние на культуру населения оказывают теле- и радионовости из Москвы или других регионов страны. Эти новости интерпретируются и воссоздаются по-своему каждой этнической группой и порой принимают уникальные формы.

Русский философ, культуролог и литературовед М.М. Бахтин придавал большое значение фестивалям и народной культуре вообще. Он выделил и описал важные элементы карнавала/ярмарки как площадки межкультурной коммуникации. Согласно его теории, карнавал, «это – коллективное веселье народной толпы на городской площади. <...> Но это вовсе не наивное веселье бегущего “очертя голову по лужам” мальчика, а народно-праздничное веселье, формы которого складывались на протяжении длинного ряда веков» (Бахтин 1990: 162), примером чему может служить русская «масленица». Тем не менее карнавал – это не только разделение общей радости, но и обмен знаниями и новостями.

В этом смысле праздники играют важную роль в межкультурной коммуникации кочевников – тундровых ненцев. Издавна на регулярные ярмарки съезжаются не только представители северных народов, но и, например, цыгане, а также люди, находящиеся вне традиционного для данной местности общества. Нельзя не отметить, что такие мероприятия способствуют знакомству с различными культурами че-

рез аттракционы, представления и т.п. Так, в тундре ежегодно проводится праздник День оленевода, на который отовсюду съезжаются люди, занятые промышленным разведением оленей, – это лучшее место для тех, кто хочет участвовать в «культурном» карнавале, поскольку на одной территории собраны представители самых разных народов. Например, кавказцы, работающие на предприятиях нефтяной и газовой отрасли или занимающиеся торговлей, в этот день знакомят с традициями своих народов через национальную еду – на ярмарке неизменно продается шашлык. Рабочие-мигранты из Центральной Азии предлагают свои изделия и сувениры и объясняют людям, проявляющим мимолетный или более глубокий интерес к их товару, что это такое.

Центральная сцена во время праздника играет большую роль, поскольку театрализованное представление – одно из самых ожидаемых событий. На площади, где приехавшие собираются все вместе, происходят открытые и естественные разговоры между людьми, которые раньше не знали друг друга или давно не встречались, можно услышать любопытные комментарии по поводу последних новостей; здесь происходит мощный обмен информацией, а иногда отмечаются судьбоносные события, например, свадьба или рождение ребенка. Ярмарки и фестивали на фоне прекрасного ландшафта являются важными звеньями процесса межкультурного обмена, но не менее важную роль играют книги и журналы, издаваемые специально к этим мероприятиям. Печатную продукцию, в т.ч. и книги, при кочевой жизни приобрести трудно, поэтому на праздниках они покупаются не только для себя, но и для тех, кто остался в тундре.

В полной мере функции обмена информацией выполняет и посещение врачей (в этом проявляется уникальность жизни в тундре): в поликлиниках и больницах люди не только проходят регулярные осмотры и лечение, но и встречаются с теми, кого давно не видели, делятся новостями, не забывая сообщить о здоровье детей, родителей и близких. Не менее важную роль в межкультурной коммуникации играют СМИ, которые, как отмечалось выше, могут также выступать «культурным почтальоном».

Во время работы в тундре наша съемочная группа не только доставляла новости в НАО и ЯНАО, но и рассказывала об особенностях корейской культуры, географических и климатических особенностях своей страны. Наибольший интерес местных жителей вызывала информация о сельском хозяйстве, скотоводстве и быте Республики Корея. Ненцы-оленеводы любят разговаривать в чуме с гостями (и это естественно, поскольку кроме членов бригады во время кочевья они редко с кем контактируют), а получив новые знания, они сразу начинают сравнивать чужую культуру со своей кочевой. В бригаде почти каждый оленевод спрашивал автора о том, какие звери обитают в корейских лесах, какое мясо люди чаще всего употребляют в пищу, какая водится рыба, чем люди рыбачат, какие виды оленей живут в Корее и есть ли там оленеводы, насколько холодно зимой, какие запреты существуют для женщин.

Во время своей полевой работы автор отметил интересные факты, связанные с восприятием друг друга и первым впечатлением от встречи друг с другом представителей двух этносов – ненцев (местных жителей) и корейцев (съемочной группы). Первое, что удивило кинематографистов, – то, что лица местных жителей походило на корейские. Конечно, члены группы знали, что ненцы в антропологическом плане относятся к уральской контактной расе, что давнюю историю имеют и браки ненцев с русскими, поэтому у многих детей от смешанных союзов черты лица европеоид-

ные. (По исследованию Е.А. Волжаниной, хотя не все браки регистрируются в органах ЗАГС, количество смешанных семей с участием ненцев в ЯНАО с начала XXI в. постепенно увеличивается; в 2002–2004 гг. в населенных пунктах ЯНАО было отмечено 732 брака, где хотя бы один из супругов ненец/ненка: 465 однонациональных (63,6%) и 267 национально-смешанных – 111 пар ненцев с русскими и 156 пар ненцев с другими народами Севера [Волжанина 2006: 235–236]). Но лица ненцев с хорошо сохранившейся монголоидностью, очень схожие с нашими, удивили нас гораздо больше, чем ожидалось.

Удивительным открытием для нас оказалось и то, что в хозяйственных делах ненцев настолько велика доля женского труда. В Корее, например, заготовка топлива, доставка воды, установка и свертывание палатки – это мужская работа. В тундре эти занятия лежат на плечах женщины наряду с обычными домашними хлопотами. Как отметила Г.П. Харючи, «[ж]изнь ненецкой женщины в непростых природных и социальных условиях была тяжелой. <...> Женщине предстояло адаптироваться к самым тяжким условиям обитания и жизненным обстоятельствам: она могла вместо мужа пасти оленей, охотиться, рыбачить» (Харючи 2010: 44). Согласно корейской традиции, женская работа полностью сводится к уборке дома, стирке, шитью и кулинарии. И этим в былые времена даже оправдывался запрет корейкам выходить из дома. Конечно, сегодня граница между женскими и мужскими занятиями практически неразличима, но она все еще существует.

В первую встречу с местными жителями съемочная группа была шокирована отличием реальной жизни кочевников от представлений о ней, возникших после изучения материалов, собранных перед экспедицией. Проблема состояла в том, что кинематографисты целиком полагались на сведения, почерпнутые из книг и найденные в интернете, доступ к которому в то время также был ограничен. Приведу лишь пару примеров такого расхождения. Так, выяснилось, что настоящие шаманы давно исчезли и что ненцы редко совершают какие-либо обряды в честь исконных богов. И еще: оленеводы в значительной степени осовременились, а сцена из нашего фильма, где люди в чумах смотрят фильмы по спутниковому телевидению, стала откровением для корейской аудитории. Тем не менее, несмотря на модернизацию повседневной культуры, сохраняющиеся обычаи есть сырое мясо, использовать оленьи нарты как средство передвижения, носить меховые одежду и обувь произвели на нас большое впечатление. И наоборот, мы сильно поражали оленеводов тем, что вся наша одежда была сделана из искусственных материалов, и тем, насколько наша еда отличалась от их традиционной пищи. Так, в нашем рационе были непривычные для кочевников рис и овощи, полуфабрикаты и консервированные продукты. Практически у всех ненцев быстрое приготовление еды вызывало негативную реакцию, как и употребление завариваемой кипятком лапши (доширака). Позднее все мы начали есть то же, что и оленеводы, – сырое мясо, строганину, кровь и оленьи субпродукты.

Мы хотели сосредоточиться на фиксации торжественных случаев: рождении ребенка, свадьбе, похоронах, обрядах, посвященных предкам и т.д. Проводя время с ненцами вне съемок, мы смогли многое узнать об их традициях (о системе питания, ритуалах, запретах для мужчин и женщин). Кроме того, у нас была возможность наблюдать за повседневной деятельностью оленеводов и участвовать в настоящей кочевой жизни – в перекочевках (*ямда*), сборе быков (*ёрколава*) и т.п. Для нас интересно было увидеть реальное разделение в тундре работы на мужскую и женскую.

Как уже отмечалось выше, все работы внутри чума выполняются женщинами. Мужчинам нельзя даже затопить печку (говорят, это случается только один раз в жизни – после свадебного обряда). Собирают дрова для очага, колют их, сушат у входа и разжигают огонь только женщины. В их обязанности входит также обработка шкур и изготовление одежды, заготовка продуктов впрок, установка передвижных жилищ и уход за детьми. В свою очередь, те работы, которые проводятся в тундре – связанные с оленеводством, охотой и рыболовством, – прерогатива мужчин.

В нашем фильме иногда происходящее на экране объясняется с помощью закадрового перевода на корейский язык, но значительная часть комментируется самими оленеводами посредством интервью; отдельные ситуации демонстрируются только с помощью картинки, без всякого голосового сопровождения. Текст написан в формате пояснительных комментариев профессиональным сценаристом с учетом советов продюсеров и этнологов, знакомых с работой в поле. Интервью с местными жителями и закадровые объяснения дают гораздо больше информации, чем может предоставить описание. Как уже отмечалось выше, показ в корейском эфире фильма «Последняя тундра» вызвал большой интерес, а повседневная кочевая жизнь ненцев особенно впечатлила корейских зрителей. Поражает сочетание тяжелых условий существования и присутствия в жизни людей таких элементов модернизации, как специальные транспортные средства вроде трэкола и вездехода, спутниковое телевидение, спутниковые телефоны. Кроме того, в отличие от Кореи, где большая часть населения живет в городах, ненцы в тундре не имеют ни стационарных домов, ни центрального отопления, ни магазинов – все это заставляет зрителей вновь задуматься о том, что на самом деле нужно человеку для счастья.

Как отметил К. Хайдер, присутствие посторонних, будь то этнографы или режиссеры, проводящие свои исследования или снимающие фильмы, неизбежно оказывает огромное влияние на поведение людей (*Heider 2006: 67*). Поэтому, прежде чем снимать этнографическое кино, продюсер должен серьезно подумать о том, как минимизировать это влияние. Б. Николс в книге “Введение в документальный фильм”, обсуждая этические вопросы документального производства, также остановился на этом (*Nichols 2001*). В своем интервью Е.С. Данилко подчеркнула, что “[в] основе антропологического кино как раз приоритет этики, стремление не навредить изучаемому сообществу, не обмануть доверия героев фильма” (*Данилко 2020*). Поэтому наша группа должна была строго придерживаться правил жизни кочевников и заранее согласовывать с ними свои действия: не снимать традиционные ритуалы, соблюдать запреты, которым следуют ненцы в повседневной жизни, проявлять уважение к национальной еде и т.д.

В дополнение к этому хотелось бы подробнее остановиться на роли участвующих в съемках этнологов – они служат своеобразным мостом между ненцами и кинематографистами. В то же время, благодаря их полевым исследованиям, больше информации передается в ходе межкультурной коммуникации. Поэтому режиссер должен в первую очередь советоваться с этнологом, чтобы понять, что и как необходимо сделать, чтобы точнее донести (передать) особенности культуры ненцев до корейской аудитории. Нужно сказать, что для того, чтобы ученые, участвующие в съемках этнографического фильма, появились в кадре, должны быть веские и убедительные причины. Их присутствие, как писал К. Хайдер, в конце концов, является частью съемок, и, включив фигуру этнографа в фильм, мы можем увидеть его пове-

дение и сформировать некоторое представление о том, как оно повлияло на остальных (Heider 2006: 67). В нашем случае, учитывая, что члены съемочной группы ни разу не были в тундре и собираются снимать фильм о людях, живущих в ней, без помощи этнографов почти невозможно было понять кочевников, а следовательно, и получить хороший результат. Однако, если вмешательство ученых, выступающих от имени неопытной съемочной группы, будет чрезмерным, это может повлечь за собой побочные эффекты межкультурной коммуникации. Все ситуации, мысли и отношения должны транслироваться исключительно ненцами.

Продолжая мысль К. Хайдера, тем не менее отметим, что, поскольку информация об одной культуре передается аудитории, принадлежащей к другой культуре, посторонними людьми, включение их в фильм персонализирует посредничество и, делая его более понятным, делает его и более эффективным (Heider 2006: 69). Сталкиваясь с этими проблемами, мы обращались за помощью к корейским этнологам (в тех случаях, когда хотели увидеть реакцию ненцев на вмешательство посторонних или оценить последствия вмешательства другой культуры), а также привлекали к своей работе в тундре ненецкого этнолога (в тех случаях, когда стремились максимально сократить дистанцию между нами и местными жителями). Благодаря участию ненецких ученых у нас появилась возможность осветить подробнее такие обычаи, как, например, брак. Появление в фильме посторонних, особенно этнологов, должно быть обусловлено содержанием фильма, не следует прибегать к их участию, если это противоречит традиционным запретам, даже если все действующие лица имеют одинаковую этническую принадлежность. Если преследовать цель сделать ученых известными актерами, то фильм перестанет быть этнографическим, его документальная ценность будет потеряна; «...иногда существует тонкая грань между хорошим и плохим использованием этнографического присутствия» (Heider 2006: 70).

Выше мы рассмотрели, как в процессе съемки антропологического фильма функционирует концепция «культурного почтальона» и какие условия должны быть созданы, чтобы она «заработала». Мы также проанализировали ситуацию первой встречи между тундровыми ненцами-кочевниками и корейской съемочной командой (в составе которой был и автор этого исследования) и формирование межкультурной коммуникации, результатом которой становится множась культурное разнообразие. На уровне этнических групп наибольшее значение в формировании устойчивой межкультурной коммуникации имеют культурный контакт и культурный обмен, на уровне персоналий – личные отношения и практики (совместная работа или брачные союзы с представителями другой национальности). В нашей ситуации роль «культурного почтальона» играли иногда съемочная группа, иногда этнологи, иногда другие люди. Несомненно, эта концепция требует дальнейшего изучения и развития и с этнологической, и с визуально-антропологической точек зрения.

* * *

В 2000-х годах, более чем через один век после рождения «этнографического кино», внесшего серьезные инновации в традиционные методы антропологических исследований, в визуальной антропологии появился новый жанр под названием «интерактивный документальный фильм», который, в свою очередь, поднял антропологические исследования на новую ступень (Ча, Ли 2015: 216).

Очевидно, что этнографические фильмы, снятые в последние годы, отличаются большим разнообразием. Также очевидно, что в повышении их качества и расширении спектра отраженных в них тем определенную роль сыграло техническое усовершенствование съемочного оборудования. Согласно теории Б. Николса, принципы разъясняющей (*expository*) документалистики 1930-х годов и наблюдательной (*observational*) документалистики 1960-х годов до сих пор в значительной степени определяют производство академических этнографических фильмов. Но этнографические исследования значительно усложнились за эти годы: возникли и быстро растут «индигенные медиа», развивается практическая визуальная антропология, появилось экспериментальное этнографическое кино и т.д. Понимание сути этой сегментации позволит выявить тенденции в развитии этнографического фильма.

Часто визуальная антропология рассматривается как особый метод получения, записи, хранения и обработки полевой информации, своего рода инструмент прикладного антрополога, гибрид диктофона и видеомэгнитофона. Гораздо чаще это рассматривается как способ популяризации научных знаний и донесения их до более широкой аудитории (Данилко 2017: 7).

Как было отмечено выше, корейские фильмы, снятые на Севере России, являются не только документальными, но и этнографическими. В любом случае, если полученный кинопродукт способствовал возникновению понимания между представителями двух культур, можно считать, что наш фильм внес свой вклад в процесс культурного обмена. Имидж коренных малочисленных народов, в т.ч. ненцев-кочевников, с позиций эволюционизма считавшихся «отсталыми» народами Сибири, в Республике Корея претерпел изменение. За время, прошедшее с момента первых межкультурных контактов, интерес к таким отдаленным регионам России, как Сибирь и Арктика, в Корею значительно вырос, выросло и число специальных исследований, а корейские зрители получили достаточно много информации о народах, населяющих эти территории, в т.ч. благодаря демонстрации этнографических фильмов.

Важно отметить двустороннее влияние кинопродуктов, подобных «Последней тундре». С одной стороны, как отмечалось выше, съемочная группа служит для местных жителей новым каналом информации о корейской культуре, об обычаях и языке далекого народа (исполняет роль «культурного почтальона» для населения тундры). Но и ненцы, с другой стороны, выступают равноправным партнером культурного обмена, представляя свой образ жизни кочевников-оленоводо Севера и исполняют роль «культурного почтальона» для корейских кинематографистов. Межкультурная коммуникация съемочной группы и ненецких бригад позволила не только узнать корейским зрителям об этнографических особенностях северного народа, но и увидеть, как корейская культура и образ жизни воспринимаются ненцами. И культурный шок, который могут испытать обе стороны, делая свои открытия в процессе взаимопознания, открывает новые возможности культурных изменений.

С помощью концепции «культурного почтальона» автор попытался проанализировать, как происходит первый культурный контакт представителей разных народов, и подробно остановился на том, кто может выступать в роли «культурного почтальона». Сегодня формы межкультурной коммуникации стали более сложными: через социальные сети и СМИ происходит обмен знаниями и культурой, заочные знакомство и дружба. Это одно из проявлений феномена глобализации, связанного в т.ч. с развитием высокоскоростного интернета и онлайн сервисов.

Естественно, все еще существуют значительные ограничения влияния внешних культур на относительно изолированные культуры кочевых народов. Эти ограничения обусловлены традиционным образом жизни и годовым циклом кочевания: у них сохраняется четко определенный распорядок дня; их быт серьезно не меняется в течение года; передвижения людей в тундре и их занятия весной, летом, осенью и зимой очень формализованы. Жизнь кочевников разительно отличается от жизни городского населения. В такой ситуации очень сложно говорить о внедрении элементов внешней культуры.

Тем не менее приток внешней культуры, исключая вторжение с нарушением допустимых рамок в повседневную жизнь, стимулирует любопытство местных жителей. К примеру, мальчик-кочевник, который с самого рождения не видел ни одного постороннего, испытывает большой интерес и большой страх перед съёмочной группой. Для него, как и для Николая и Григория – главных героев нашего фильма, знакомство с чужими одеждой, культурой питания, языком – все это первые опыты проникновения в новые культуры. Но когда представители двух народов живут вместе одной повседневной жизнью, некоторые чуждые ранее элементы быта могут быть признаны полезными и усвоены в процессе межкультурной коммуникации и аккультурации. Это может быть использовано в поисках наиболее гармоничного способа приспособления к различным культурам, и этой цели должен служить «культурный почтальон».

В будущем нам необходимо уделить больше внимания развитию в отдаленных регионах индигенных медиа и социальных сетей – именно они могут способствовать преодолению ограничений, с которыми сталкиваются сегодня СМИ в аборигенной среде. Низкий доступ коренного населения к внешней культуре, отмечавшийся до последнего времени, – прямое следствие географического положения, отдаленности мест проживания и отсутствия современной инфраструктуры. С развитием технологий постепенно, шаг за шагом, преодолеваются ограничения на обмен информацией в современном цифровом формате, а значит, и ограничения на межкультурную коммуникацию.

Источники и материалы

- Данилко 2020* – Данилко Е.С. Интервью: Елена Данилко: «Наша аудитория – это просто любопытные люди, киноманы, хипстеры» // Реальное время. Общество. 14.02.2020. https://realnoevremya.ru/articles/165759-elena-danilko-ob-antropologicheskom-dokumentalnom-kino?utm_source=mobile&utm_medium=redirect&utm_campaign=mobile
- Ежегодник 1977* – Ежегодник корейского кино (с начала до 1976 г.) Государственное агенство развития киноиндустрии. Сеул, 1977.

Научная литература

- Александров Е.В.* Предыстория визуальной антропологии: первая половина XX в. // Этнографическое обозрение, 2014. № 4. С. 127–140.
- Арзютов Д.В.* Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум, 2016. № 29. С. 187–219.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
- Волжанина Е.А.* Современная структура этнически смешанных браков ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2006. № 6. С. 234–248.

- Головнев И.А. Владимир Арсеньев и кино // Ойкумена, 2017. № 3. С. 50–64.
- Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015.
- Данилко Е.С. Визуальная антропология в России: анализ истории и терминов // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 197–208.
- Данилко Е.С. Визуальная антропология как особый способ коммуникации: введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования, 2017. № 3. С. 6–10.
- Пинк С. Визуальная антропология в XXI в. // Антропологический форум, 2007. № 7. С. 68–78.
- Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // Этнографическое обозрение, 2010. № 3. С. 44–53.
- Heider K. *Ethnographic Film: Revised Edition*. Austin: University of Texas Press, 2006.
- Nichols B. *Blurred Boundaries: Questions of Meaning in Contemporary Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1995.
- Nichols B. *Introduction to Documentary*. Bloomington: Indiana University Press, 2001.
- Ruby J. Is an Ethnographic Film a Filmic Ethnography? // *STUDIES in the Anthropology of Visual Communication*, 1975. No. 2 (2). P. 104–111. <https://repository.upenn.edu/svc/vol2/iss2/6>
- Джо Кван Ён. Теория и методология визуальной антропологии. Сеул, 2016.
- Ли Гичжунг. Человечество в объективе: этнографические фильмы и их мастера. Сеул: Нул-мн, 2014.
- Пак Хёнсон. Кинематографическая география Кореи как утопии времен холодной войны // Изучение корееведения. Инчон, 2017. № 47. С. 277–311.
- Ча Минчол, Ли Санхун. Воплощение академических и исследовательских материалов и эволюция академической коммуникации: фокус на «визуальной антропологии» и «интерактивном документальном фильме». Сеул, 2015.
- Ча Минчол. Документальный фильм. Сеул, 2014.
- Чо Илдонг. Упрощение визуальной технологии и прикладная визуальная антропология: различные возможности современных этнических фильмов // Международная конференция «Нематериальное наследие и аудиовизуальный архив». Сеул, 2018.
- Юн Сонхи. Культурное исследование о появлении телевизионной документальной визуальной антропологии и колониализма // *Корейская культурная антропология*, 2012. № 45 (3). С. 234–267.
- Park, Jung Gon*

Visual Anthropology for Intercultural Communication: South Korean Ethnographic Films About the Nenets

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/105-124

International cooperation and globalization, the development of high-speed Internet and social media have opened new possibilities for intercultural communication. In this article, the author intends to discuss intercultural contact between Koreans and Nenets through visual anthropological methods. This article is based on the author's experience, who participated in ethnological research and documentary imaging in the Nenets, Yamal Nenets Autonomous Districts, and the Komi Republic from 2009 to 2019. There are various forms of social ties between Korean filmmakers and reindeer herders. The form and content of intercultural communication in places with no Internet connection are to be considered through the concept of a "cultural mailmen" – scientists, filmmakers, or mass media. We observe the reaction of Korean viewers in the SBS channel's film "The Last Tundra" (2010). The themes of Korean films about the Nenets are focused on their life, education systems, and cuisine of reindeer nomadic. The Korean mass media are one of the most powerful channels developing the

interrelationship between the Nenets and the Koreans. It plays an important role in expanding ethnic and cultural contacts between them and popularizing ethnological and anthropological knowledge, especially for the younger generation interested in the new media.

Keywords: *visual anthropology, ethnographic film, Nenets, Komi, Korean, cultural mailman, intercultural communication*

For Citation: Park, J.G. 2021. Visual Anthropology for Intercultural Communication: South Korean Ethnographic Films About the Nenets. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 105–124.

Author Info: **Park Jung Gon** – postgraduate student, The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, RF). E-mail: mitya10011004@gmail.com

References

- Aleksandrov, E.V. 2014. Predystoriia vizual'noi antropologii: pervaiia polovina XX v. [Prehistory of Visual Anthropology: The First Half of the 20th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 187–219.
- Arziutov, D.V. 2016. Etnograf s kinokameroi v rukakh: Prokofiev'y i nachalo vizual'noi antropologii samodiitsev [An Ethnographer with a Mvie Camera in Hands: Prokofievs and the Beginning of the Samoyedian's Visual Anthropology]. *Antropologicheskii forum* 29: 187–219.
- Bakhtin, M.M. 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [The Works of François Rabelais and the Folk Culture of Middlele Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Cha, Min-chul, and Sang-hoon Lee. 2018. *Formation of Academic and Research Materials and Evolution of Academic Communication: Focusing on "Visual Anthropology" and "Interactive Documentary"*. Seoul.
- Cha, Min-chul. 2014. *Documentary*. Seoul: Communication books.
- Cho, Il-dong. 2018. Simplification of Visual Anthropology and Practical-applied Visual Anthropology: Various Possibilities of Modern Ethnographic Film. In *International Academic Conference "Intangible Heritage and Video Archive"*. Seoul.
- Cho, Kwan-yeon. 2016. *Theory and Methodology of Visual Anthropology*. Seoul.
- Danilko, E.S. 2016. Vizual'naia antropologiia v Rossii: analiz istorii i terminov [Visual Anthropology in Russia]. In *Fenomen mezhdistsiplinarosti v otechestvennoi etnologii* [Phenomenon of Interdisciplinarity in Russian Ethnology], edited by G.A. Komarova, 197–208. Moscow: IEA RAN.
- Danilko, E.S. 2017. Visual Anthropology as a Special Way of Communication Introduction to the Special Topic of the Issue. *Siberskie istoricheskie issledovaniia* 3: 6–10.
- Golovnev, I.A. 2017. Vladimir Arseniev i kino [Vladimir Arsenyev and Cinema]. *Oikumena* 3: 50–64.
- Guzikova, M.O., and P.Y. Fofanova. 2015. *Osnovy teorii mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Fundation of the Intercultural Communication's Theory]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Heider, K. 2006. *Ethnographic Film: Revised Edition*. Austin: University of Texas Press.
- Khariuchi, G.P. 2010. Nenetskaia zhenshchina v nauke: k voprosu ob osobennostiakh issledovaniia sakral'noi sfery [Nenets Woman in Science: On the Question of the Particularities of the Study of the Sacral Sphere]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 44–53.
- Lee, Gi-jung. 2014. *Humanity in Lens: Ethnographic Film and Its Masters*. Seoul: Nulmin.
- Nichols, B. 1995. *Blurred Boundaries: Questions of Meaning in Contemporary Culture*. Bloomington: Indiana University Press.
- Nichols, B. 2001. *Introduction to Documentary*. Indiana University Press.
- Park, Hyunsun. 2017. Cinematic Geography of the Cold War's Utopia "Korea". *Korean Research* 47: 277–311.

- Pink, S. 2007. Vizual'naia antropologiya v XXI v. [Visual Anthropology in the 21 Century]. *Antropologicheskii forum* 7: 68–78.
- Ruby, J. 1975. Is an Ethnographic Film a Filmic Ethnography? *STUDIES in the Anthropology of Visual Communication* 2 (2): 104–111. <https://repository.upenn.edu/svc/vol2/iss2/6>
- Volzhanina, E.A. 2006. Sovremennaya struktura etnicheski smeshannykh brakov nentsev Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [The Modern Structure of Ethnically Mixed Marriages of the Nenets of the Yamalo Nenets Autonomous Okrug]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 6: 234–248.
- Yoon, Sun-hee. 2012. Cultural Study on the Reproduction of the Visual Anthropology and Colonial Perspective of Television Documentary. *Korean Culture Anthropology* 45 (3): 234–267.